

Прорасти до себя самого...

Мы часто сталкиваемся с ним в самых неожиданных местах. Каждый раз удивляясь этому обстоятельству, и каждый раз заводя беседы, которые длятся часами, а случается, вот как сейчас, выливаются в статьи. Ему каждый раз есть что рассказать; мне нравится слушать, когда он рассуждает вслух. Очередная встреча произошла вечером на Арбате.

- Как сказал бы Булат, видно, в каждом из нас свет его фонарей растворился когда-то?..

Андрей Житинкин (режиссер театра имени Моссовета) шел из Вахтанговского театра, где в этот вечер очень торжественно отмечалось восьмидесятилетие Щукинского театрального училища.

- Знаешь, сейчас так мало праздников в жизни... Очень здорово, что отмечается восьмидесятилетие, хотя это не круглая дата — принято отмечать пятьдесят и семьдесят пять... Но очень сегодня важно не растеряться в этом мире, тем более что этот сезон начинался со страшных потерь - за прошлый год ушли такие актеры, такие имена! Звезды первой величины - Евгений Леонов, Олег Борисов, Иннокентий Смоктуновский. Ушли и представители Щукинской театральной школы, крупнейшие педагоги - Евгений Рубенович Симонов и Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Симонов возглавлял кафедру режиссуры, Катин-Ярцев был одним из самых любимых худруков, а последнее время возглавлял кафедру актерского мастерства.

- Ты ведь тоже учился у Евгения Рубеновича?

- И всю жизнь буду ему за это безумно благодарен. Нас было пятеро, и мы были последними с режиссерского курса, кого он успел выпустить. А поначалу наша судьба складывалась очень странно - я был единственным, кто остался работать в Москве. Остальные оказались за рубежом: один в Израиле, другой в Канаде, двое в Америке. Помню, как однажды Симонов посоветовал на это и я в шутку ответил: «Евгений Рубенович, не печальтесь, они напишут о вас мемуары на разных языках». Я ведь вначале закончил актерский факультет, а на дипломном спектакле, который у нас ставил Евгений Рубенович, он мне сказал: «Характерных актеров много, а характерных режиссеров мало». В отношении характерных режиссеров - это, конечно, была шутка! Он меня благополучно не отпустил. И я, грешным делом, вначале думал, что это желание худрука, чтобы рядом были люди, которые понимают с полуслова. И лишь гораздо позже увидел в этом некую прозорливость Мастера: мое актерское тщеславие - желание получать цветы, раздавать автографы - постепенно ушло. Потому что это не главное. Движение в глубь себя, оно бесконечно. И профессия режиссера близка к медитативным вещам - самоуглублению, желанию прорасти до себя самого. Я в то время этого еще не осознавал, а он что-то такое во мне, видимо, уже увидел. Эту жажду самокопания, безумную любовь одиночества, желание анализировать ситуацию не только изнутри, но и со стороны.

Уже тогда, в «Щуке», ре-

бята довольно часто просили меня посмотреть на то, что они делают, со стороны, что-то подсказать, посоветовать. Евгений Рубенович все это видел. И потому, когда он пригласил меня к себе на режиссуру, я, что называется, резко пересел на другой стул. Иначе было просто невозможно. Нельзя сидеть на двух стульях сразу. После этого я в качестве актера не произнес на сцене ни одной фразы, чем немало удивлял самого Симонова. Он-то, видимо, думал делать из меня «играющего тренера».

жить в актерском доме, где все время сталкиваешься с людьми, с которыми работал бок о бок десятки лет... Все это не то что угнетало, а, надо думать, добивало человека, который был очень незащищенным. Все свои болезни он переносил на ногах, к врачам не обращался. И когда он наконец обратился, то было ясно, что уже поздно. Мне рассказывали, что врачи были поражены тем, сколько у него всего нашли... А еще... Еще я помню, когда несколько лет назад в Россию вернулся Юрий

Но это две совсем разные профессии - актер и режиссер...

- Когда ты в последний раз видел Евгения Рубеновича?

- Я увидел его на остановке. Уже без всякой личной машины, без всякого флера, который всегда сопутствовал появлению Симонова, - артистичности и праздничности: шикарный костюм, белоснежная накрахмаленная сорочка, бабочка. Мастер стоял под дождем, ждал троллейбуса. Мы встретились глазами, и на секунду в них возник вопрос: стоит ли, когда он в таком подавленном состоянии, когда он не праздничен, не во всеоружии, общаться со своим учеником. А я подумал, может быть, неудобно мне подойти вот в такую минуту. Однако колебался я секунду, а потом все-таки подошел. Мы обнялись, и я на уровне ощущений вдруг понял, что у него одна щека выбрита, а другая - нет. И это для человека, который всегда был безупречен, был консенс. Именно это меня почему-то потрясло больше всего, именно в этом я Мастера не узнал, и он мне стал дороже во много раз. Я понял, что он сейчас находится в другой фазе, что мыслями он был и здесь, и уже где-то далеко... Он был расстроен с близкими и сосредоточен на чем-то одном, что сидело внутри. А когда летом все произошло, то я понял, что в нем, наверное, уже зрело Предчувствие, со многим он в жизни прощался.

Вообще Симонов - это фигура трагическая. Хорошо, конечно, что труппа Театра имени Вахтангова прилетела из Парижа, и даже был задержан день похорон, чтобы все успели попрощаться. Но ведь все инсульты, инфаркты, раки и прочее - они не возникают на пустом месте, сами по себе. Симонов мучительно уходил из Вахтанговского театра, мучительно переживал этот уход. Наверное, что-то он не мог простить тем людям, которые не смогли его отстоять. Плюс уйти из театра, но остаться

Любимов (мы гуляли с Симоновым по скверу и встретили Юрия Петровича, который шел в гости), и Евгений Рубенович заплакал и бросился к Любимову. И так они, обнявшись, долго стояли. Два Мастера, две Вселенные - Любимов, которого «ушли» из страны, который как никто другой мог понять Евгения Рубеновича, и бывший режиссер Театра имени Вахтангова - Симонов...

- Андрей, у Симонова остался театр, где играют его ученики, выпускники твоего курса из Щукинского театрального училища. Ты - как его ученик, как режиссер, которого он учил, - не хотел бы поставить что-то на сцене этого театра с этими ребятами? Или ты считаешь, что тебе все-таки надо реализовываться в другом месте, потому что это актеры, с которыми ты учился, и «лицом к лицу лица не увидать - большое видится на расстоянии»? (То есть они могут тебе доверять не настолько, насколько, скажем, доверяют какому-нибудь маститому известному режиссеру)?

- Я думаю, что в Театре имени Рубена Симонова сейчас начнется вполне закономерный период лихорадки! Я актерам на этот период желаю мужества, чтобы пройти этот круг, не потерять форму, не спиться, выжить. Потому что любая болезнь роста - во благо. И сейчас коллектив, если он желает выжить, должен для себя решить, что он есть такое, какого уровня и какого направления режиссер им нужен, насколько они собираются в дальнейшем продолжать вахтанговские традиции. Или, может быть, это будет уже не поэтический театр, а, скажем, глубоко психологический, или, наоборот, постмодернистский. Возможно, этот путь выбора будет путем жестоких проб и ошибок, но без него обойтись нельзя. Актеры сами должны решить, что им близко, куда их тянет. А вот после этого можно уже всерьез говорить о какой-то работе. И если будет серьезное приглашение, тогда...

А. ЛАПИНА.